

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 80–87
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 80–87
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-80-87>, EDN: UWEYXH

Научная статья
УДК 327(470+570:73)+929Ельцин

Американский вектор внешней политики России в период первого президентства Б. Н. Ельцина

А. П. Косов

¹Белорусский государственный университет, Республика Беларусь, 220030, г. Минск, пр-т Независимости, д. 4
²Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, Республика Беларусь, 210038, г. Витебск, Московский проспект, д. 33

Косов Александр Петрович, кандидат исторических наук, доцент, ¹докторант кафедры истории нового и новейшего времени; ²доцент кафедры истории и культурного наследия; interrel21@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8800-3622>, AuthorID: 690512

Аннотация. В статье рассмотрен внешнеполитический курс России в отношении США в 1991–1996 гг. Показано стремление руководства России достичь уровня стратегического партнерства с Соединенными Штатами в условиях становления новой российской государственности и ослабления международных позиций страны. Формулируется вывод о крахе неоправданных надежд и иллюзий Москвы на равноправное сотрудничество с Вашингтоном.

Ключевые слова: Россия, США, внешняя политика, российско-американские отношения, Б. Н. Ельцин, Дж. Буш ст., Б. Клинтон

Для цитирования: Косов А. П. Американский вектор внешней политики России в период первого президентства Б. Н. Ельцина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 80–87. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-80-87>, EDN: UWEYXH

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The American vector of Russia's foreign policy in the period of Boris Yeltsin's first presidency

A. P. Kosov

¹Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Ave., Minsk 220030, Belarus
²Vitebsk State University named after P. M. Mashero, 33 Moskovsky Ave., Vitebsk 210038, Belarus

Alexandr P. Kosov, interrel21@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8800-3622>, AuthorID: 690512

Abstract. The article considers Russia's foreign policy towards the United States in 1991–1996. The desire of the Russian leadership to achieve the level of strategic partnership with the United States is shown in the conditions of the formation of a new Russian statehood and the weakening of the country's international positions. The conclusion is made about the collapse of Moscow's unjustified hopes and illusions for equal cooperation with Washington.

Keywords: Russia, USA, foreign policy, Russian-US relations, B. N. Yeltsin, G. W. Bush, B. Clinton

For citation: Kosov A. P. The American vector of Russia's foreign policy in the period of Boris Yeltsin's first presidency. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 80–87 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-80-87>, EDN: UWEYXH

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

США находились в центре внешней политики Б. Н. Ельцина. В начале 1990-х гг. российское руководство и общество были очарованы Америкой. Многие, включая самого президента России, питали сильные надежды на равноправное партнерство с Вашингтоном и американскую помощь погружавшейся в глубокий кризис стране.

Цель статьи – проследить эволюцию внешнеполитического курса России в отношении США в условиях трансформирующегося миропорядка (1991–1996 гг.).

Становление американского вектора внешней политики Б. Н. Ельцина началось еще

в советский период. В 1991 г. он хотел заручиться поддержкой американцев в условиях борьбы за власть с М. С. Горбачевым. Впервые Б. Н. Ельцин побывал в США в сентябре 1989 г. еще будучи депутатом Верховного Совета СССР. Именно тогда он познакомился с рядом представителей американского истеблишмента. Правда, большинство из них воспринимали его как пьяницу и демагога, которому нельзя верить. Особенно негативное впечатление Б. Н. Ельцин произвел на советника президента США по национальной безопасности Б. Скоукрофта, который считал его автократом и популистом [1, с. 34].

Администрация Буша-ст. делала ставку на М. С. Горбачева, который полностью устраивал американцев. Поэтому Вашингтон всячески поддерживал президента СССР. Тем не менее сторонники Б. Н. Ельцина вели активную деятельность среди американских политических кругов по снижению их недоверия к российскому руководству. Например, министр иностранных дел России А. В. Козырев во время своих визитов в США пытался убедить американцев в необходимости поддержки Б. Н. Ельцина в борьбе с «реакционерами» из КПСС, уверяя своих собеседников в том, что поддержка российского президента отвечает национальным интересам Соединенных Штатов [2, с. 291]. В определенной степени это принесло свои плоды. Постепенно многими представителями американской элиты Б. Н. Ельцин стал восприниматься не только как «демократически избранный», но и «первый руководитель, лишенный имперских амбиций» [3, с. 34]. Особенно ему благоволила группа министра обороны Р. Чейни [4, с. 25].

В Москве, по свидетельству Е. Т. Гайдара, многое для упразднения недоверия со стороны США к команде Ельцина было сделано американским послом Р. Страусом [5, с. 169–170]. В посылаемых телеграммах в Вашингтон он убеждал свое руководство оказать поддержку российским реформаторам [6, р. 62–63]. В результате с осени 1991 г. США стали выстраивать отношения не только с М. С. Горбачевым, но и с Б. Н. Ельциным. Как аллегорически сказал по этому поводу сам Дж. Буш-ст., «надо танцевать с теми, кто находится на танцплощадке» [7, с. 444]. Это стало свидетельством несомненного внешнеполитического успеха Б. Н. Ельцина в его борьбе с М. С. Горбачевым. После того, как 25 декабря 1991 г. СССР прекратил свое существование, Вашингтон немедленно объявил о признании России в качестве правопреемницы Советского Союза.

На международной арене Россия унаследовала от СССР внешние атрибуты великой державы – место постоянного члена СБ ООН, ядерный статус, влияние в мировой политике, которое, правда, стремительно падало. Однако внутри страны ситуация быстро ухудшалась. В сложившихся условиях и Москва, и Вашингтон были заинтересованы в «сверке часов» по наиболее актуальным проблемам мировой политики. Американцы опасались дестабилизации в ядерной державе, а российская политическая элита надеялась на то, что окончание Холодной войны и демократическая трансформация страны сделают Запад не только надежным партнером, но и союзником России [8, с. 86].

Многие в Москве верили в превосходство западной модели развития, отождествляя ее с процветанием, успехом, свободой, достатком и прочими атрибутами. Команда Ельцина считала, что альтернативы вестернизации России нет, поэтому следует как можно скорее стать частью Запада.

Младореформаторы всерьез рассчитывали на западную помощь в осуществлении рыночных и демократических преобразований в стране, наивно ожидая встречного энтузиазма. Они убеждали США, что альтернатива российским демократам – возвращение к власти в Москве коммунистов. Однако администрация Буша-ст. проявляла на российском направлении осторожность. К тому же многое из обещанной американцами помощи до России так и не дошло. Например, А. Б. Чубайс считал, что если бы Москва получила те 24 млрд долл., о которых было объявлено на координационной конференции в январе 1992 г., то ситуация непременно бы улучшилась и внутри страны и в российско-американских отношениях, но, по его словам, «Соединенные Штаты упустили шанс» [4, с. 33].

Официальное видение руководством России перспектив развития российско-американских отношений нашло свое отражение в публичных заявлениях Б. Н. Ельцина и подписанных им документах. С этой точки зрения, весьма важным стал его визит в Соединенные Штаты 31 января – 1 февраля 1992 г. Учитывая довольно скептическое отношение к российскому руководству ряда сотрудников администрации Буша-ст., встреча Б. Н. Ельцина с американским коллегой имела большое значение. Один из советников президента России вспоминал, что Борис Николаевич очень тщательно готовился к ней, поскольку считал ее для себя «большим экзаменом» [4, с. 29]. К слову, сдал он его успешно.

В ходе встречи Б. Н. Ельцина и Дж. Буша-ст. в Кэмп-Дэвиде были обсуждены проблемы распада Советского Союза, достигнуты договоренности о продолжении сокращения ядерных вооружений, сотрудничества в сфере нераспространения оружия массового уничтожения и т. д. По ее результатам президентами была подписана Кэмп-Дэвидская декларация о новых отношениях между двумя странами. В ней руководители России и США отказывались рассматривать «друг друга в качестве потенциальных противников» и заявляли о дружбе и партнерстве, «основанном на взаимном доверии, уважении и общей приверженности демократии и экономической свободе» [9, с. 12]. Декларирование сторонами намерений о партнерстве в связи с окончанием Холодной войны создавало в Москве иллюзию о возможностях развития равноправного и конструктивного сотрудничества.

Действительно, после Кэмп-Дэвида внешне взаимоотношения Б. Н. Ельцина и Дж. Буша-ст. вышли на новый уровень [10, с. 45]. Российский президент произвел весьма благоприятное впечатление на своего американского коллегу и госсекретаря Дж. Бейкера [11, р. 623–625]. Однако степень финансово-экономической поддержки России со стороны Соединенных Штатов, на которую рассчитывали в Москве, увеличилась

незначительно. В стране нарастало разочарование, но в руководстве Российской Федерации не оставляли надежд на активизацию отношений и особенно увеличение американской помощи.

Одним из практических шагов в этом направлении стал еще один визит российского президента в США, который состоялся 16–18 июня 1992 г. Отправляясь в Вашингтон, он надеялся на новый формат отношений с Америкой. Но, главное, ему хотелось подтолкнуть американцев к оказанию более существенной помощи России. 17 июня Б. Н. Ельцин и Дж. Буш-ст. подписали ряд документов, пополнивших договорно-правовую базу российско-американских отношений. Они касались намерений Москвы и Вашингтона по сотрудничеству в сферах ядерной безопасности, космоса, конверсии, налогообложения, капиталовложений, а также уничтожения химического оружия, ситуации на Корейском полуострове, в Боснии и т. д. [12, с. 401].

На встрече с Дж. Бушем-ст. Б. Н. Ельцин продемонстрировал стремление к сотрудничеству по американским правилам. Так, исходя из тезиса о «неделимости» безопасности «от Ванкувера до Владивостока», нашедшего отражение в принятой ими Хартии российско-американского партнерства и дружбы, следовало, что Россия соглашалась привязать свою безопасность к сфере ответственности НАТО [13, с. 434]. Кроме того, российский президент обязался следовать западным принципам при осуществлении внутренней политики [13, с. 432]. Тем самым Москва принимала правила внутри- и внешнеполитического поведения, навязанные американцами [14, с. 126].

В Вашингтоне Б. Н. Ельцин также выступил с проамериканской речью перед обеими палатами Конгресса США. Он заявил буквально следующее: «Мир может вздохнуть спокойно – коммунистический идол, который сеял повсюду социальную рознь, вражду и беспримерную жестокость, который наводил страх на человеческое сообщество, – рухнул! Рухнул навсегда!.. Россия окончательно сделала выбор в пользу цивилизации, здравого смысла, общечеловеческого опыта. <...> Сегодня свобода Америки защищается в России. И если реформы провалятся, придется заплатить многие сотни миллиардов долларов, чтобы хоть как-то компенсировать эту потерю. <...> Именно Россия раз и навсегда отбросила практику двойных стандартов во внешней политике. Мы не намерены более лгать своим партнерам по переговорах, ни российскому, ни американскому, никакому другому народу. С такой практикой покончено навсегда!» [15, с. 426–429]. После таких слов присутствующие в Конгрессе аплодировали Б. Н. Ельцину стоя. Атмосфера в зале была исключительно позитивная [16, с. 101].

Однако идею равноправия США и России американцы принять не могли. А. К. Пушкив,

который был очевидцем выступления российского президента, отмечал, что американская элита воспринимала Российскую Федерацию как слабую страну, просящую помощи, а Б. Н. Ельцин представлялся им неустойчивой политической фигурой. Американцы лишь хотели воспользоваться слабостью Москвы, чтобы еще более усилить свои позиции в мире [16, с. 76, 79]. Правда, ни Б. Н. Ельцин, ни А. В. Козырев, ни Г. Э. Бурбулис, ни даже В. П. Лукин не видели ситуацию в подобном ключе. Они считали, что уход России и США от конфронтации автоматически ведет к партнерским, а в перспективе даже союзническим отношениям [16, с. 100]. Например, В. П. Лукин считал, что Россия нуждалась в Америке в качестве партнера в урегулировании ряда региональных кризисов, а также как потенциальном огромном рынке для товаров и инвестиций. Кроме того, по мнению российского посла, Москва и Вашингтон якобы были нужны друг другу потому, что без их партнерства никакой постбиполярный стабильный миропорядок представлялся невозможным [17, с. 273].

К сожалению, в США считали иначе. Тем самым ельцинская речь так и осталась благим пожеланием. Россия не воспринималась американцами в качестве равноправного партнера. Они стремились навязать Российской Федерации свою волю. Ни о каком равенстве и речи не шло. Москва должна была лишь неукоснительно выполнять все рекомендации Вашингтона. Данные расхождения вскоре приведут к нарастанию противоречий между ними. Однако открыто они проявятся позже. А пока во внешней политике Российская Федерация преобладали эйфория и романтизм.

Конечно, вряд ли Б. Н. Ельцин изначально планировал слушаться США, поскольку считал себя равным «другу Джорджу», а затем «другу Биллу». Но по факту из-за слабости России «равенство» было лишь в речах американских президентов, адресованных своему российскому коллеге. Как вспоминал А. Л. Адамишин, занимавший тогда должность первого замминистра иностранных дел, выступая 27 октября 1992 г. на коллегии МИД, президент красноречиво говорил о необходимости для России иметь свое лицо. Москва якобы больше не должна терпеть унижения и оскорбления, а также должна перестать говорить на мировой арене только «да». Правда, по признанию дипломата, многое в ельцинских словах говорилось на публику, поскольку в зале присутствовало большое количество журналистов [18, с. 288]. На деле же он продолжал идти на уступки США.

Преклонение российского руководства перед Западом автоматически делало Российскую Федерацию зависимой от Америки. В те годы в Москве мечтали о подобии «плана Маршалла», считая, что нужно идти на максимальные уступки, тогда Россия станет полноценным членом западного сообщества. Однако американцы не собирались

предоставлять масштабную помощь ядерной державе, еще недавно бывшей врагом в Холодной войне. Для США Россия была проигравшей стороной. Поэтому Вашингтон был готов помогать лишь настолько, насколько это было необходимо для поддержки находившегося у власти в Российской Федерации прозападного руководства, но никак не для усиления Российского государства. К тому же сами США в то время переживали экономический спад [19, с. 91].

Исходя из этого, для Вашингтона в приоритете была проблема сокращения российского ядерного потенциала, а не оказание России помощи и учет ее национальных интересов. Так, 2–3 января 1993 г. Москву посетил Дж. Буш-ст., завершавший свое президентство. Результатом его визита стал Договор о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-2), который предусматривал к 2003 г. взаимное сокращение числа стратегических боезарядов до 3500 единиц. Однако договор оказался несбалансированным: Российская Федерация отказывалась от основы своих стратегических запасов, в то время как США сохраняли их. Б. Н. Ельцин осознавал этот факт, но считал, что стратегический паритет утратил всякий смысл в настоящее время, когда «в политических и экономических взаимоотношениях между Соединенными Штатами и Россией произошли такие фундаментальные изменения» [19, с. 94]. Конгресс США ратифицировал договор СНВ-2 в январе 1996 г. В Российской Федерации процесс ратификации затянулся, а затем и вовсе сорвался из-за нарастания напряженности в российско-американских отношениях в конце 1990-х гг.

После прихода к власти в Соединенных Штатах Б. Н. Клинтона российское руководство было вынуждено выстраивать отношения с новой администрацией. Со своей стороны Вашингтон рассчитывал, что Москва продолжит следовать за США. Администрация Клинтона дала ей повод для завышенных ожиданий на позитивное развитие двусторонних отношений. Как казалось Б. Н. Ельцину, А. В. Козыреву и многим другим, она избрала линию на более активное сотрудничество с Россией. На деле же это было американским вмешательством во внутренние дела Российской Федерации.

Выступая 1 апреля 1993 г. в Военно-морской академии в Аннаполисе, Б. Клинтон призвал к «стратегическому союзу с российскими реформаторами» и предостерег, что «опасность определенно возникнет, если российские реформы сойдут на нет – если страна вернется к авторитаризму или рассыплется, погрузится в хаос» [4, с. 37]. Очевидно, что в основе философии команды Клинтона лежала вера в возможность широкомасштабной трансформации российского общества по западным лекалам. Для Вашингтона, как и для ельцинского окружения, угроза

виделась в коммунистах и националистах, которые являлись противниками радикальных реформ по американским советам.

Уже с 1992 г. открытый прозападный курс Ельцина – Козырева стал сталкиваться с нарастающим противодействием со стороны политической оппозиции, части представителей государственно-бюрократического аппарата и общественности. Необоснованные уступки Западу не приветствовались даже в самом МИД РФ. Так, первый замминистра иностранных дел А. Л. Адамишин считал, что «выслуживанием перед американцами никогда ничего не добьешься» [18, с. 375]. Российского постпреда в ООН Ю. М. Воронцова также огорчало, что Россия слишком уж схематично, односторонне и примитивно, шла в фарватере Запада. Он придерживался мнения, согласно которому можно быть с американцами в одном строю, но «в расшитой русской рубашке» [18, с. 358].

Наиболее резкая критика в адрес российской внешней политики и США исходила от представителей так называемой «консервативной оппозиции» в парламенте. К январю 1993 г. в России проявилось непримиримое противостояние между президентом и Верховным Советом. Поэтому взаимодействие с Вашингтоном рассматривалось Б. Н. Ельциным в том числе и в контексте своей борьбы с политическими оппонентами внутри страны. Уже на третий день пребывания в должности Б. Клинтона президент РФ предложил ему встретиться в ближайшее время, на что получил согласие [8, с. 94]. Они встретились 3–4 апреля 1993 г. в Ванкувере. Как вспоминал Б. Клинтон, Б. Н. Ельцин сразу ему понравился. Он якобы отметил, что России повезло, что ею руководит Б. Н. Ельцин [20, р. 508]. По итогам встречи ими была принята Ванкуверская декларация, провозгласившая стратегическое партнерство Российской Федерации и США. В ней говорилось о «твердой приверженности динамичному и эффективному российско-американскому партнерству», а также подтверждалась принципы и положения Кэмп-Дэвидской декларации и Хартии российско-американского партнерства и дружбы в качестве основы взаимодействия двух стран [21, с. 417, 420].

В условиях нарастания противостояния Б. Н. Ельцина и Верховного Совета президенту РФ было важно заручиться поддержкой Вашингтона и ему это удалось. 21 сентября российский президент подписал безупречный в юридическом плане Указ № 1400 о роспуске Съезда народных депутатов и Верховного Совета, после чего проинформировал Б. Клинтона, который полностью поддержал его действия. Американский президент считал ельцинских противников в российском парламенте «реакционными элементами» или «старыми коммунистами и прочими реакционерами», которые якобы стремились к реставрации старого

порядка [20, р. 503–504, 506]. Подтверждением благожелательной позиции Вашингтона к Б. Н. Ельцину стало принятие Сенатом США 23 сентября Закона об иностранной помощи на 1994 г., который предусматривал выделение 2,5 млрд долл. для новых независимых государств на постсоветском пространстве, из которых 1,6 млрд долл. – для России. 30 сентября 1993 г. данный закон был подписан Б. Клинтон [3, с. 108].

Американская позиция позволила в начале октября 1993 г. Б. Н. Ельцину реализовать силовой сценарий. Вашингтон одобрил его действия по расстрелу парламента. Американцы понимали, что Б. Н. Ельцин для них более приемлемая фигура, нежели представители парламентской оппозиции, критиковавшие внешнеполитический курс страны. Как говорил тогдашний посол США в России Т. Пикеринг, Соединенные Штаты не могли не поддержать Б. Н. Ельцина [4, с. 44].

Несмотря на победу над оппонентами из Верховного Совета, вскоре по внешнеполитической линии Ельцина – Козырева на американском направлении был нанесен новый удар. Результаты думских выборов в декабре 1993 г. продемонстрировали нарастание антизападных настроений среди российской общественности. Наибольшее количество мест в Госдуме заняли представители ЛДПР – 23%. «Демократический выбор» Е. Т. Гайдара получил только 15%, а КПРФ – 12,4%. На выборах 1995 г. у коммунистов оказалось 22%, у либерал-демократов – 11%. По словам госсекретаря У. Кристофера, это был «тревожный звоночек», характеризовавший риски и угрозы ельцинской России [4, с. 44–45].

В течение 1993–1995 гг. количество тех, кто воспринимал США как угрозу, увеличилось в Российской Федерации с 27% до 53% среди элит и с 26% до 44% в обществе [19, с. 110]. Конечно, влияние политических сил и общественности не имело решающего значение в принятии и реализации Б. Н. Ельциным внешнеполитических решений. Для него был характерен цезаристский стиль управления государством. Тем не менее порой Кремлю все же приходилось учитывать ситуацию внутри страны. Указанные тенденции привели к некоторому пересмотру внешнеполитической линии Российской Федерации. Кроме того, Запад не оправдал ожиданий российского руководства, которое все более стало убеждаться в том, что Вашингтон не собирается выстраивать равноправное партнерство с Москвой.

Уже в период так называемого «медового месяца» между Россией и США в российско-американских отношениях стали проявляться некоторые разногласия, которые с течением времени лишь усилились. Например, в Вашингтоне считали, что у Москвы не может быть своей сферы влияния в ближайшем зарубежье, а в России придерживались прямо противоположной точки зрения. Отстаивая ее, российский посол в США

В. П. Лукин в январе 1993 г. доказывал, что отношения между Россией и бывшими советскими республиками «должны считаться идентичными тем, что существуют между Нью-Йорком и Нью-Джерси» [4, с. 41]. В частности, уже в 1992 г. Вашингтон стал строить «козни» и искажать роль Москвы в миротворчестве на постсоветском пространстве – в Таджикистане, Закавказье [18, с. 264, 328]. Любые действия Российской Федерации, будь то в торгово-экономической или даже культурной области, расценивались американцами как проявление российского империализма, направленного на восстановление «нового СССР».

В начале 1994 г. даже А. В. Козырев рискнул заявить об «особых интересах» России на постсоветском пространстве. Хотя на практике активизации политики Москвы в СНГ тогда не последовало, его слова символизировали новую тенденцию: под давлением общественности российское руководство стало понимать необходимость модификации идейно-теоретической составляющей внешнеполитического курса страны. Несмотря на то, что Российская Федерация продолжала ориентироваться на Запад, теперь сотрудничество сопровождалось оговорками и попытками российской дипломатии сопроводить его выдвиганием своих условий [22, с. 14]. Правда, в марте 1994 г. У. Кристофер подчеркнул, что «США не признают за Россией права на любые действия в новых независимых государствах без согласования с ООН или другими международными органами и намерены твердо выступать против попыток принуждения оных со стороны Москвы» [18, с. 265]. Тем самым Соединенные Штаты намеревались «зацементировать результаты дезинтеграции» Советского Союза в целях расширения своего влияния на постсоветском пространстве [23, р. 42–43]. Поскольку Вашингтон не стремился считаться с интересами Москвы в регионе, это вело лишь к нарастанию российско-американских разногласий.

Следующей сферой противоречий были рынки вооружений. Здесь дело дошло до того, что даже А. В. Козырев жаловался на то, что Вашингтон не пускает Россию на мировые рынки оружия. Так, американцы блокировали закупки российского оружия Южной Кореи. К примеру, в 1993 г. Вашингтон заблокировал продажу Индии криогенных ракетных двигателей на сумму в 800 млн долл. [16, с. 85].

Американцам также не нравилось российско-иранское сотрудничество. В частности американской критике подвергался заключенный в 1992 г. договор Москвы и Тегерана о строительстве в Иране ядерного реактора [3, с. 81]. В том же 1992 г. в США был принят закон Гора – Маккейна, предусматривавший санкции против любого государства, поставляющего оружие странам, включенным в санкционный список. Однако

для России торговля с иранцами представляла большой финансовый интерес. В результате в 1995 г. Москва и Вашингтон заключили секретное соглашение, по которому Российской Федерации разрешалось завершить поставки оружия Тегерану по существующим контрактам. Со своей стороны Россия пообещала не заключать новых контрактов, а администрация Клинтона – не подвергать Российскую Федерацию санкциям за продажу оружия Ирану [24, с. 342].

Еще одним серьезным источником напряженности в российско-американских отношениях стал боснийский кризис. Вашингтон во всем обвинял сербов, Москва с подобным подходом не соглашалась. При этом в российском руководстве, даже в самом МИД, не было единства по балканской проблеме. Если А. В. Козырев в силу своих прозападных взглядов был готов поддерживать антисербскую позицию американцев, то, например, А. Л. Адамишин и Ю. М. Воронцов придерживались иного мнения [18, с. 363–364], хотя порой даже А. В. Козырев пытался перечить грубому нажиму Вашингтона на Москву по боснийской проблеме [3, с. 92–93]. Однако, несмотря на неприятие политики антисербских санкций, в конечном итоге российская сторона под давлением американцев приняла позицию Запада [18, с. 370]. Так, С. Тэлботт, курировавший российское направление политики США, в беседах с послом В. П. Лукиным связывал американскую помощь России и политику администрации Клинтона на российском направлении в целом с тем, как Москва поведет себя в вопросе об антисербских санкциях [18, с. 372]. А госсекретарь У. Кристофер предостерегал замминистра иностранных дел Российской Федерации Г. Э. Мамедова «от использования права вето при голосовании резолюции в Совете Безопасности, поскольку это нанесет ущерб российско-американским отношениям. В частности, это может усложнить усилия американской администрации по обеспечению поддержки в Конгрессе вопроса об оказании помощи России» [18, с. 373–374]. Тем самым американцы выбивали у Москвы уступки, по сути ограничиваясь лишь пустыми обещаниями финансовой помощи.

Осенью 1995 г. критика Б. Н. Ельциным двухнедельных по продолжительности натовских ударов по сербским позициям выглядела достаточно дежурной. Правда, Госдума по поводу действий НАТО негодовала всерьез [18, с. 408]. Как результат, Россия согласилась с планом Энса – Оуэна по созданию конфедерации в Боснии и Герцеговине [19, с. 93]. Конечно, полностью игнорировать позицию Российской Федерации США не могли. Так, Р. Холбрук, руководивший политикой Вашингтона на Балканах, отмечал, что в американских интересах разрешить русским, чувствовавшим себя на вторых ролях, участвовать наравне с американцами и европейцами в работе Контактной группы, поскольку таким образом

с ними можно будет легче договариваться [25, р. 117].

Серьезным раздражителем в российско-американских отношениях стали планы Запада по расширению НАТО на Восток. Они вызвали острое недовольство Москвы. Многие в России небезосновательно усмотрели в этом опасность и угрозу для национальной безопасности страны. Б. Н. Ельцин в беседах с Б. Клинтонем якобы говорил, что лично он не видит в НАТО никакой угрозы для Российской Федерации, но многие россияне, подверженные коммунистической пропаганде, думают иначе [20, р. 750]. Публично российский президент осуждал планы по расширению альянса. Однако с ослабевшей Россией Запад просто перестал считаться. В Вашингтоне было принято окончательное решение о расширении НАТО, хотя на протяжении нескольких лет данная проблема продолжала находиться в переговорной повестке Российской Федерации и США.

После начала войны в Чечне данная проблема также стала одним из противоречий в российско-американских отношениях. Вначале администрация Клинтона считала чеченский кризис «внутренним делом России», но весной 1995 г. ее позиция изменилась. Так, в конце марта У. Кристофер назвал войну в Чечне «безрассудной авантюрой» и «трагической ошибкой» Москвы [26, с. 148]. Одновременно Запад начал оказывать поддержку чеченским боевикам, которых там считали повстанцами, что вызывало раздражение в России.

Несмотря на нарастание противоречий в российско-американских отношениях, в первой половине 1990-х гг. Б. Н. Ельцин искренне верил всем заявлениям американского руководства и очень гордился дружбой с Б. Клинтонем. Он считал, что США пошли на установление равноправного партнерства с Россией. Президенту РФ очень льстило отношение к нему американцев. Вашингтон лицемерно использовал в своих интересах ельцинское честолюбие и склонность российского президента к выпивке [3, с. 79–80]. Лукавство и обман являются нормой для политической культуры Запада. Однако Б. Н. Ельцин не понимал, что на самом деле Вашингтон не собирался делиться властью с Москвой в новом миропорядке. Несмотря на ослабление страны, он считал, что США и Россия будут вдвоем управлять миром, а российско-американские отношения будут строиться на основе дружбы и сотрудничества.

К середине 1990-х гг. иллюзиям Б. Н. Ельцина о том, что России будет позволено стать равноправным партнером Соединенных Штатов, настал конец. Вместо того, чтобы принять Российскую Федерацию, стремившуюся установить партнерские отношения с Западом, в западное сообщество, допустить Москву к решению глобальных проблем, открыть свои рынки для российских товаров, Вашингтон требовал от российского

руководства выполнения всех требований и условий, следуя принципам Холодной войны [27, р. 43–44].

Неудивительно, что шаг за шагом в российско-американских отношениях стали усиливаться противоречия. То, что Россия не могла долго идти по зависимому от Запада пути, стало видно к середине 1990-х гг. и по выступлениям самого Б. Н. Ельцина, у которого, по справедливому замечанию А. К. Пушкова, не могло бесследно исчезнуть сверхдержавное мышление, присущее советскому человеку. Оно могло отступить на какое-то время, но не испариться полностью [16, с. 92]. У него возникло ощущение, что Запад начинает его ставить в невыгодные условия.

Именно в этом контексте в январе 1996 г. произошла замена главы МИД РФ. Б. Н. Ельцину стало очевидно, что А. В. Козырев дискредитировал себя в общественно-политических кругах страны как человек, идущий на поводу у американцев. В условиях противостояния с коммунистами и националистами, тем более с учетом грядущих президентских и парламентских выборов, ему требовался другой министр иностранных дел, и Е. М. Примаков, занимавший пост директора СВР, как нельзя лучше подходил на этот пост. Он считал, что отношения с США имеют важнейшее значение для Российской Федерации. Однако Москва не должна приносить в жертву партнерству с Вашингтоном свои национальные интересы. По его мнению, России нужно было сочетать политику сотрудничества и сдерживания Запада [19, с. 117]. При этом Е. М. Примаков не разделял убеждения сторонников сближения с США любой ценой в том, что альтернативой этому будет неизбежная конфронтация. По его мнению, необходимо «стремиться найти такие решения, которые, с одной стороны, обеспечивают жизненно важные для России интересы и – с другой – не приводят к соскальзыванию к конфронтации» [28, с. 193–194]. Уже на первой пресс-конференции, комментируя свое видение развития российско-американских отношений, Е. М. Примаков отметил, что они должны строиться на основе равноправия и взаимоуважения сторонами друг друга [28, с. 200]. При этом он исходил из того, что определяющей фигурой в выработке и реализации внешнеполитического курса страны был президент [28, с. 197].

Одним из первых вопросов, которым пришлось заняться Е. М. Примакову после вступления в должность министра, стала проблема расширения НАТО на Восток. Новый министр придерживался негативной точки зрения на этот счет, но считал, что необходимо стремиться к минимизации последствий процесса расширения [28, с. 221]. Правда, переговоры с У. Кристофером в Хельсинки в феврале и в Джакарте в июле 1996 г. свидетельствовали о том, что Вашингтон не собирался особо считаться с Москвой

при осуществлении планов по расширению альянса на Восток [28, с. 219, 224]. Тем не менее глава МИД считал, что Российская Федерация должна была переключиться с сопротивления этому процессу на адаптацию к нему [19, с. 126].

Линия Е. М. Примакова по отстаиванию национальных интересов Российской Федерации на мировой арене вела к ухудшению российско-американских отношений. Американцам не понравилось, что Москва перестала беспрекословно выполнять указания из Вашингтона. Тем не менее, несмотря на нарастание противоречий, летом 1996 г. в непростых для себя внутривнутриполитических условиях Б. Н. Ельцин получил американскую поддержку, позволившую ему одержать победу на президентских выборах над Г. А. Зюгановым. Американцы не могли допустить, чтобы коммунисты вновь пришли к власти в России. Поэтому в Москву в неофициальном статусе прибыли западные политтехнологи. Конечно, на официальном уровне Вашингтон заявлял о том, что будет работать с любым российским руководством, готовым продолжать демократические реформы в стране. Однако понятно, что симпатии администрации Клинтона были на стороне действующего президента РФ.

Переизбравшись на второй срок, Б. Н. Ельцин не отказался от политики уступок американцам, руководствуясь личными представлениями о построении российско-американских отношений. Тем самым своими действиями он часто сводил на нет все усилия Е. М. Примакова по отстаиванию национальных интересов страны.

Таким образом, внешнеполитический курс России в отношении США в 1991–1996 гг. можно объяснить рядом объективных и субъективных причин. В период первого президентства Б. Н. Ельцина страна находилась в ослабленном состоянии. Сохранив внешние атрибуты великой державы в качестве правопреемницы СССР, Россия оказалась в серьезном кризисе. Испытывая финансово-экономические трудности, российское руководство нуждалось в помощи Запада, прежде всего США. При этом Москва рассчитывала на установление равноправных отношений с Вашингтоном. В основе внешней политики страны лежало доверие к Соединенным Штатам. В 1991–1993 гг. для большинства представителей российской политической элиты и общественности был характерен романтический идеализм, обусловленный неоправданными иллюзиями относительно возможностей скорого построения равноправного стратегического партнерства с США.

Сам Б. Н. Ельцин позиционировал себя на Западе в качестве «реформатора и демократа», противостоящего националистам и коммунистам. Ради поддержания искусственной популярности на международной арене он делал серьезные внешнеполитические уступки, сдавая позиции России в мире. Как правило, по ключевым проблемам двусторонней и мировой повестки рос-

сийская сторона в конечном итоге шла навстречу американским партнерам. Во многом это объяснялось представлениями президента страны и его окружения относительно выстраивания отношений с США.

Однако внешнеполитическая линия Б. Н. Ельцина на сближение с Западом не увенчалась успехом. В условиях серьезного ослабления России его великодержавные амбиции не воспринимались Вашингтоном всерьез. Стратегические уступки американцам на международной арене и следование американским рекомендациям во внутренних делах лишь усилили антиамериканские настроения в стране, которые привели к дальнейшему усилению противоречий между РФ и США.

Список литературы

1. *Голдгейер Дж., Макфол М.* Цель и средства. Политика США в отношении России после «Холодной войны». М. : Международные отношения, 2009. 520 с.
2. *Бешлосс М. Р., Тэлботт С.* На самом высоком уровне. Закулисная история окончания «Холодной войны». М. : АО «Все для вас», 1994. 398 с.
3. *Тэлботт С.* Билл и Борис. Записки о президентской дипломатии. М. : Издательский дом «Городец», 2003. 528 с.
4. *Стент А.* Почему Америка и Россия не слышат друг друга? Взгляд Вашингтона на новейшую историю российско-американских отношений. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2015. 464 с.
5. *Гайдар Е.* Дни поражений и побед. М. : Вагриус, 1996. 365 с.
6. *Kalb M.* The Nixon Memo: Political Respectability, Russia, and the Press. Chicago ; London : University of Chicago Press, 1994. X+248 p.
7. *Буш Дж., Скоукрофт Б.* Мир стал другим. М. : Международные отношения, 2004. 502 с.
8. *Барсенков А. С.* Внешняя политика России на начальном этапе становления новой государственности (1991–1993) // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2013. № 4. С. 75–105.
9. Кэмп-Дэвидская декларация Президента Буша и Президента Ельцина о новых отношениях // Дипломатический вестник. 1992. № 4–5. Спецвыпуск. С. 12.
10. *Шенин С. Ю.* Возвращение в Россию: Стратегия и политика американской помощи (1990-е гг.). СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2008. 384 с.
11. *Baker J. A., Defrank T. M.* The Politics of Diplomacy: Revolution, War and Peace, 1989–1992. New York : G. P. Putman's Sons, 1995. XVI+687 p.
12. *Шаклеина Т. А.* Россия и США в современных международных отношениях. М. : Аспект Пресс, 2022. 448 с.
13. Хартия российско-американского партнерства и дружбы. 17 июня 1992 г. // Внешняя политика России : сборник документов. 1990–1992 / ред. : Л. И. Гецелевич. М. : Международные отношения, 1996. С. 431–437.
14. Системная история международных отношений. Опять разделенный мир. 1980–2018 : учебное пособие для вузов / А. Д. Богатуров [и др.] ; под ред. А. Д. Богатурова ; 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2019. 362 с.
15. Выступление президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина на совместном заседании палат Конгресса США в Вашингтоне. 17 июня 1992 г. // Внешняя политика России : сборник документов. 1993 : в 2 кн. Кн. 1 : Январь – май / Министерство иностранных дел Российской Федерации / гл. ред. В. Д. Средин. М. : Международные отношения, 2000. С. 426–431.
16. *Лушков А. К.* Глобальные шахматы. Русская партия. М. : Эксмо, 2018. 352 с.
17. «Я – не первый воин, не последний...» К 80-летию В. П. Лукина : в 3 кн. / под ред. А. Д. Дикарева и А. В. Лукина. М. : Весь Мир, 2018. Кн. первая. 592 с.
18. *Адамишин А. Л.* В разные годы. Внешнеполитические очерки. М. : Весь Мир, 2016. 448 с.
19. *Цыганков А. П.* Внешняя политика России от Горбачева до Путина. Формирование национального интереса. М. : Научная книга, 2008. 272 с.
20. *Clinton B. J.* My Life. New York : Alfred A. Knopf, 2004. XII+957 p.
21. Ванкуверская декларация. 4 апреля 1993 г. // Внешняя политика России : сборник документов. 1993 : в 2 кн. Кн. 1 : Январь – май / Министерство иностранных дел Российской Федерации / гл. ред. В. Д. Средин. М. : Международные отношения, 2000. С. 417–420.
22. *Богатуров А., Лебедева О., Бобров А.* Эволюция доктринальных основ внешней политики России // Международная жизнь. 2022. № 2. С. 8–25.
23. *Simes D. K.* Losing Russia. The Costs of Renewed Confrontation // Foreign Affairs. 2007. November / December. Vol. 86, № 6. P. 36–52.
24. *Млечин Л.* Секреты российской дипломатии. От Громыко до Лаврова. М. : АО «Издательский дом «Аргументы недели», 2020. 608 с.
25. *Holbrooke R.* To End a War. New York : Random House, 1998. XX+408 p.
26. *Бёрнс У.* Невидимая сила. Как работает американская дипломатия. М. : Альпина Паблишер, 2020. 688 с.
27. *Maynes Ch. W.* Bottom-Up Foreign Policy // Foreign Policy. 1996. № 104. P. 35–53.
28. *Примаков Е. М.* Встречи на перекрестках. М. : Центрполиграф, 2015. 607 с.

Поступила в редакцию 24.05.2023; одобрена после рецензирования 29.05.2023; принята к публикации 10.11.2023
The article was submitted 24.05.2023; approved after reviewing 29.05.2023; accepted for publication 10.11.2023